

Два дебюта

М. Александрова — Китри, А. Горячева — Мари

Мария Александрова кинулась на роль Китри, как школьница на коробку конфет. Коробка слишком долго стояла на серванте, девочка заслужила ее и хорошей успеваемостью (все четвертные отметки — вариация в гран па и Уличная танцовщица в «Дон Кихоте», «Симфония до мажор» были отличными) и примерным поведением (работа над ро-

Впрочем, однажды показалось, что это не так, и что для Александровой это — вопрос принципиальный. О том неожиданно сказали *pas de basque* — роскошные, точные, и — непривычное слово — мощные. Они отсылали не к легендам московского балета, но — несмотря на классическую чистоту — к легендам натуральной Испании. К женщинам, за которых умирают всерьез, не подложив перед смертью на пол плащ. (Не восстановить ли «Кармен» для Александровой? Мне кажется, она бы справилась. Может быть, не прямо сейчас, но подумать об этом стоит.) Но эта интонация мелькнула и исчезла, так и не объяснив себя — в царстве дриад Александрова явилась классической балериной.

Вот когда она продемонстрировала свой прыжок — длинный полет без напряжения и ненужных нервов, без страстей и без срывов. На сцене не было уже никакой школьницы — экзамены были сданы давно, и награды за них получены. Была нормальная демонстрация умения работать на боль-

шой — Большой — сцене и готовность спокойно принять судьбу одной из принцесс знаменитого театра.

Со всем иной сюжет развивался в момент другого дебюта, неделей раньше, Анастасия Горячева впервые исполнила роль Мари в «Щелкунчике». Как ни странно, в чем-то эта роль сложнее, чем роль Китри. (Актерски, а не технически.) В ней нет ничего, чем можно было бы ослепить, с одного движения покорить публику. Нужно «просто» создать обаяние, «всего лишь» надышать узор

танца на ледяном стекле спектакля. Ведь весь «Щелкунчик» выстроен как стеклянное здание, звенящее на морозе — и балерина вровень с танцовщиком отвечает за легкость всей конструкции.

Именно легкости и обаяния не хватало Горячевой. Все было в порядке — вставали как надо ноги и руки, движения были правильны и в общем точны (вот только в Мышиного короля не попала), но... эта девочка была одной из многих. А должна быть — одна-единственная, кому смогла присниться такая сказка. Впрочем, в какой-то момент показалось, что Горячева была просто заранее уставшей — если посмотреть на список ее «троек» и «четверок», то это не удивительно.

Есть такие понятия в старых английских романах: девушка, покинувшая классную комнату, и девочка, еще не вышедшая из нее. Подразумевается не возраст, не уровень образования, но готовность выхода в большой свет. Мария Александрова решительно вступает в общество. Анастасия Горячева пока робко задерживается у входа.

Анна ГОРДЕЕВА.

М. Александрова — Китри.

лю Императрицы в «Русском Гамлете»). Вот теперь получена заслуженная награда — и нет сил чинно ее попробовать. Хочется всего и сразу.

Отсюда — неровный первый акт. В финале первой вариации руки, что называется, пошли вразнос, перейдя с языка классического танца на почти дискотечный сленг. В быстрых темпах вообще подводили именно руки — не выдерживался баланс между необходимой живостью, бойкостью движения (очевидно, что Китри — не особа королевской крови и не должна быть слишком церемонной) и все же ясным осознанием того, что эта партия для классической балерины, а все «испанские» штучки — всего лишь способ театрального кокетства.

А. Горячева — Мари.

Фото Н. Антипова.